

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Егоров

Время Любить

Повесть

Иван Егоров

Время любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63747072

SelfPub; 2021

Аннотация

В повести "Время любить" показана повседневная жизнь обычных людей, которых можно встретить повсюду. Они с лёгкостью могут оказаться вашими друзьями или вашими коллегами по работе. В персонажах повести можно с лёгкостью узнать и самих себя. Персонажи пытаются любить и быть любимыми в этом жестоком мире. Содержит нецензурную брань.

Иван Егоров

Время любить

Пролог

Думал ли я о том, что здесь, на этой лестничной площадке, закончится мой жизненный путь? Конечно, нет. Кто вообще об этом думает? Все мои мысли, хаотично кружащиеся в голове, заглушил выстрел, громким эхом разнёсшийся по подъезду. Лавируя над бездной очень трудно удержать равновесие и не свалиться в разверзнувшуюся под ногами пропасть. И, вот, я сорвался...

Никогда не знаешь какая цепочка событий, запущенная тобой, окажется фатальной. У меня на такие вещи всегда была слабая чуйка и вечно я впутывался в неприятности, которые выходили мне боком. Я никогда не умел выбирать нужную дорогу на развилке, и всегда та тропа, по которой я шёл, либо уводила меня в совершенно иную сторону, либо заводила в тупик. Впрочем, это можно сказать и про мои отношения с женщинами. Никогда не отличался разборчивостью в этом плане и никогда не умел выбирать “правильных” девушек. Вовремя не успевая затормозить, я всегда оказываюсь в кювете, лёжа на крыше, колёсами вверх.

Я создаю вокруг себя чёрную дыру, которая рано или поздно поглощает меня. Старик Фрейд, несомненно усмот-

рел бы здесь некие символы, связанные с женским половым органом и возможно, в некоторой степени, он оказался бы прав!

Часть 1

1

“Я буду жить, кто бы что не говорил – я буду жить... “ – рычал из колонок Дельфин. Яна, на пике производственного процесса, отработывала свою трёшку по полной. Изгибаясь и ломаясь, как мне казалось, она вкладывала в трах несколько больше, чем просто секс за деньги.

По старой памяти мне её подогнал Кеша, мой друг детства, который теперь промышляет сутенёрством, под легальной вывеской массажного салона. Обычным покупателям он выставляет Яну по пятёрке, как товар сертифицированный, но мне скидывает по дисконту.

– Ты, сегодня огонь, детка! – прикуривая сигарету, говорю я.

– Я, всегда огонь, не замечал?

– Замечал, Янчик – ты лучшая! Пиво будешь?

– Не откажусь.

Я вернулся в комнату держа в руках две бутылки. Яна сидела на краю разобранного дивана, подмяв под себя растерзанную простыню. Кокетливо закинув ногу на ногу, она ку-

рила, смотря в окно на засыпающий город.

– Дрончик, зайка, может сменим пластинку? Меня от Дельфина, если честно, уже скоро вывернет. Я его в школе отслушала дальше некуда. Открой мне дверь, и я войду и принесу с собою осень... – имитируя манеру Дельфина, пропела Яна.

– И, если ты меня попросишь, тебе отдам её я всю... – подхватил я. – Слушала неформатную музыку в школе?

– Ага, все подруги убивались по Иванушкам или Руки вверх, а я, такая, была против течения всегда. Кино слушала, там, ДДТ, Алису, ГрОб. Носила косую чёлку, глаза чёрным малевала. В общем, если бы ты меня тогда увидел, то, наверное, офигел! А с какими девчонками ты гулял в школе?

– В школе я гулял с девчонками из училища, знаешь, такие сноровистые кобылки с городских окраин.

– Ладно тебе загинать, я же не пацаны, в школьном туалете, на перемене!

Через приоткрытое окно вливалась апрельская прохлада, разбавляя душную затхлость комнаты. В приглушённых тонах гаснущего весеннего солнца рыжеватые волосы Яны казались кроваво-красного цвета.

– Ты просила сменить музончик, чего поставить?

– Не знаю, давай чего-нибудь олдскульное, только не такое занудное, как Дельфин.

– Сплин “Гранатовый альбом”, пойдёт?

– Классика, мать её! Ты, знаешь, под песню “Орбит без

сахара”, мой одноклассник пытался лишить меня девственности в туалете местного ДК.

– И, как, у него получилось?

– Неа, он был так нажрат, что его самого можно было лишать девственности!

Депрессивные речитативы Дельфина сменила мажорная мелодия и Александр Васильев знакомо замычал: “Я отключил телефон, завёл на восемь будильник, я объяснил тебе, где в квартире спрятался душ...”.

– Слушай, Андрей, я останусь у тебя до утра? – Яна поставила пиво на пол и обняла меня за плечи.

– Это типа, как продление на ночь?

– Нет, дурачок, просто поспать или может быть не просто – это уже от тебя зависит. Без оплаты. У меня сегодня так-то выходной. Позвонил Кеша, сказал, что ты меня ищешь. До квартиры влом уже тащиться, на другой конец города.

– Оставайся, какой базар? Друзья ведь должны выручать друг друга.

– А мы друзья?

– Конечно друзья – товарищи по перепихону!

– Вот как?!

– Ага!

2

Воскресенье – самый халявный день. Больших фур мало,

в основном довозят по мелочи. На выходные магазины и так набиты под завязку всяким дерьмом, готовые к наплыву человеческой биомассы. До обеда было всего две машины, которые мы быстро разбросали и засели играть в карты. Градову, нашему “бугру”, как всегда фартило.

– Вы, ребята, зря свою жизнь не разматываете, – говорил Градов, за игрой, как бы между делом. В такие моменты он любит пускаться в нехитрые философские изыскания, но мы с Серёгой знаем, что этот старый хрен, своей болтовнёй, просто отвлекает внимание от игры.

– Это только вначале кажется, что жизнь долгая и счастливая, а потом оглянуться не успеешь, как мудя седые, – продолжил Градов. – Я же тоже, когда-то был молодым, музыкой увлекался – на басу в одном ансамбле играл. Чего вы улыбаётесь подонки? Не пинайте светлых чувств! Наш ансамбль играл на танцах в ДК имени Кирова, назывались мы тогда “Голубые маки”, чего вы ржёте придурки? Это для вашего поколения нет ничего святого – всё развращено, а мы и не думали даже, что мужик мужика в жопу трахать может. Не, ну были, наверное, извращенцы, но лично я их не видел никогда. И правильно, попадись мне тогда подобное чмо, я бы ему всю рожу расквасил, да ещё и в ментовку бы за шиворот отволок. Я же в дружинниках числился.

– Эт, ты чего Борисыч, мусором что ли был? – спросил Серый.

– Дурак, ты, Серёга – дураком и помрёшь, если старших

слушать не будешь.

– Старших – это тебя что ли? – спросил я.

– А хотя бы и меня, что я неправильные вещи говорю?

– Ладно, Борисыч, не слушай этих тормознутых, они ничего слаще морковки в своей жизни не пробовали, для них кроме, как, вечером насосаться пива и посмотреть порнуху из интернета – нет ничего интереснее, – неожиданно подал голос Ваня.

– Не тронь святое падла, порнуха из интернета – наше всё! – выкрикнул Серёга.

– Так вот, – продолжил Градов. – Я на бас-гитаре играл.

– Теперь понятно почему ты такой тугой, все басисты немного того, – сказал я.

– Почему того? Зря ты так, Андрюш, вот Пол Маккартни по-твоему тоже тугой?

– А кто это? – спросили мы с Серёгой и переглянувшись рассмеялись.

– Козлы! – без обиды бросил Градов. – Меня даже в коллектив “Синяя птица” приглашали на прослушивание. Слышали про такой?

– Блин, Борисыч, у вас, там, в Союзе другой цветовой гаммы не было что ли? – спросил я. – А то всё синий, да голубой?

– Да иди ты!

– А чего не срослось с “Синей птицей”, – спросил Губанов.

– В армию я загремел, а когда вернулся, на Вере женил-

ся. Она тогда только школу закончила. Бантики, фартучек белый, чёрные косы, как вспомню до сих пор колом встаёт.

– А я думал Борисыч, что у тебя теперь только с Виагрой поднимается! – усмехнулся я.

– Верка у меня огонь-баба, она из камня искру высечет, с пол-оборота заводит.

– А потом, что было? – спросил Губанов.

– Вань, я думал, что ты умней, чем кажешься, – говорю я. – Обрюхатил он свою Верку в белом фартучке и понеслась... В общем, повесил на гвоздь свою бас-гитару наш Маккартни!

– Жизнь, мои юные друзья – это как большой вокзал. Поезда туда-сюда. Главное, ребята, сесть в нужный поезд и тогда всё у вас по жизни будет хорошо. Понимаете, главное выбрать нужное направление.

– А как узнать в каком направлении нужно двигаться? – спросил Губанов, который сегодня был на удивление разговорчив.

– Это, Ваня, узнать наверняка невозможно, такие вещи каждый должен решать сам.

– Ага и кто у тебя будет в поезде – проводник или проводница, – сказал Серый. – Но тебе, Ваня, я думаю, лучше всего пригодился бы именно проводник.

– Послушай, Борисыч, в чём суть твоей очередной басни? – спросил я.

– Да нет тут никакой сути. Сидит этот старый хрен и пургу

нам прогоняет, как всегда! – взорвался Серёга.

– Мораль простая, Андрюша – не промотай свою жизнь по мелочам, чтобы не жалеть потом, когда ёбнет тебя insult лет в сорок, и будешь ты лежать, мычать, под себя ходить. Сейчас лучше задуматься, если ли есть что-то, чтобы ты хотел изменить в своей жизни – меняй. Всё, босота, шабаш! Ваших нет – пятифон мой. Хорош языком чесать, давай за работу, – со смехом и хитром прищуром, сказал Градов.

– Опять, чертяга, зубы нам заговорить сумел, – с досадой кинул карты на стол Серёга.

– Учись молодёжь – пока я жив!

– Борисыч, а как же перекур после игры? –спросил я.

– Никаких перекуров лодыри, ну-ка марш работать!

3

Хреново, когда заканчивается курево. Особенно если ты уже зарядил в себя четыре пива, а на улице полощет почти осенний дождь. Однако, вариантов не так много, их вообще практически нет. Накинув всепогодную ветровку, я вышел в прокуренную затхлость подъезда. Внизу, на лестничной площадке раздавалась ругань, парочка подростков громко выясняла отношения.

– Да ладно тебе, чо как целка ломаешься? Давай здесь по бырому, падик глухой.

– Ты дебил что ли? Я живу в этом подъезде.

– Ну и хули?!

– Руки убрал от меня урод, кто тебе вообще сказал, что я дам тебе?

– Нихера себе, сначала обозначаешься, как шалава, а потом заднюю включаешь? Типа, девочку недотрогу из себя строишь!

Двери лифта распахнулись. В кабине широко ощерившись, свесив розовый язык набок, сидела огромная немецкая овчарка, совершенно одна! Как она там оказалась, чёрт её собачий знает!? Псина удивлённо на меня уставилась, мол, парень, ты ехать-то собираешься или как? Двери захлопнулись, и я решил спуститься по лестнице, так, по крайней мере было вернее.

Уже почти пройдя ссорящуюся парочку, что-то дёрнулось, где-то внутри. Может выпитые четыре пива или просто планеты над нашей “панелькой” сошлись в какой-то причудливый эллипс. Я обернулся и посмотрел на девчонку. Она была чертовски встревожена, хотя всячески пыталась не подавать вида.

– Слушай, парень, по-моему, девушка тебе ясно дала понять, чтобы ты валил.

Он обернулся и хищно зыркнул на меня.

– Мужик, а ты кто ей? – спросил он.

– Сосед.

– Слышь, сосёд, вали на хуй, по холодку – пока при памяти!

– Это у вас в детском саду сейчас такие приколы?

– Чо ты сказал, урод?

– Чо слышал, козёл!

Я схватил его за воротник и дёрнул на себя, парень схватился за мою ветровку, и она с треском пошла по шву. На пару бутылок пива я стал в этот момент трезвее. Скрипнула дверь и на лестничную площадку выбежала тётка с накрученными на голове бигудями, заверещав на весь подъезд.

– Ну сколько можно? Ни днём, ни ночью покоя нет! У меня муж больной лежит, уснуть из-за ваших криков не может. Если вы сейчас же не прекратите, то я звоню в полицию!

– Ладно, с тобой мы ещё встретимся, – сказал парень, отпустив мой рукав. Слегка задев меня плечом, когда спускался, – а ты, сука, – ткнул он пальцем в девчонку, – забудь, как меня зовут, и теперь с тобой даже Колян Помоешник встречаться не будет, попомни моё слово! А ты, мать, чего паяльник раскрыла? Закрой, а то кишки простудишь!

– Что ты сказал гадёныш? Вот, что за молодёжь пошла, никакого уважения к старшим! Только хамить умеют, куда эта страна катиться?

Дверь за тёткой в бигудях захлопнулась, но из-за двери по-прежнему слышалось её недовольное ворчание.

– Спасибо тебе! – не смотря на меня, сказала девчонка.

– Что ты, какие вопросы, обращайся, я тут знаешь ли местным Бэтменом подрабатываю. Там на крыше фонарь стоит, так что если ещё раз попадётся парень-козлина, зажи-

гай его, и я примчусь тебе на помощь!

В её светлых глазах проскользнули искорки веселья.

– Этот клоун не мой парень, просто прицепился.

– Ну неплохо так прицепился, еле оттащил его от тебя!

– Меня зовут Кристина, – улыбнулась она.

Лицо её ожило, как будто и не было недавно скованно гримасой страха.

– Андрей, – представился я.

– Курить будешь?

– Если честно не отказался бы. Как раз за сигаретами спускался.

Она протянула мне всю пачку.

– Бери, ты ведь спас меня из лап плохого парня, покусившегося на мою честь.

Ну и прекрасно, выходить под дождь совершенно не хотелось. При этом постоянно оборачиваясь, чтобы не получить по башке кирпичом от незадачливого Казановы.

Кристина курила несколько манерно, пытаясь казаться более взрослой, чем она есть на самом деле. Сквозь сигаретный дым, рассеянный серым туманом по лестничной площадке, я рассматривал её. Довольно рослая, с обозначившейся под курткой грудью. Волосы каштанового цвета, ещё мокрые от дождя, спутанно лежали на плечах. Улыбающееся лицо сохранившее детскую непосредственность, несмотря на уже прорезающиеся взрослые черты. Ещё полгода и из этой голубоглазой девчонки вырастет настоящая женщина,

которая будет сводить с ума мужиков.

– Может тебя проводить? – спросил я, когда мы докурили.

– Нет, спасибо, думаю, что вряд ли Артур в столь короткое время научился летать! Я живу в этом подъезде, на двенадцатом этаже. Так что мы почти соседи.

Её мобильник запел голосом Егора Крида: “мама, мама – я схожу с ума...”

– Мне пора домой, а то папочка начинает волноваться, до встречи Бэтмен! – и, она упорхнула, лёгкая, как январская снежинка.

Ещё долго по моему телу гуляли заряды электричества, не давая мне уснуть. Закрывая глаза, я видел улыбающееся лицо Кристины, спутанные каштановые волосы на её плечах, а когда под утро мне удалось наконец уснуть, впервые за долгое время мне приснилась Ольга, девушка которую я когда-то любил и из-за которой едва не лишился рассудка...

... в университет я поступил во многом потому, что так хотела мама. Дома не угасали разговоры про то, что без образования никуда и что “корочка” всегда пригодиться по жизни и ещё к тому же отсрочка от армии. Как показала дальнейшая жизнь более весомым аргументом могло послужить лишь последнее. И то в конце первого курса знакомство с Хохлом, который знал людей, которые знали других людей решило эту проблему раз и навсегда. За определённое вознаграждение у меня появилась красная книжица, выданная

мне районным военкомом. В которой значилось, что я ограниченно годен к военной службе.

Я поступил в университет без особого труда, так как школьные знания, несмотря на моё разгильдяйство, вполне позволяли мне это сделать. Я выбрал курс Социальная работа, так как это казалось мне более халявным вариантом, чем такие мастодонты капиталистического мировосприятия, как Финансы и Менеджмент.

Поступление в университет было для меня новым этапом в жизни, чем-то совершенно иным. Старый мир, с привычным кругом общения, таял растворяясь в призрачной дымке, и я всё реже виделся со своими школьными друзьями Кешей и Аксёном. Всё чаще проводя время с ребятами из университета.

Обычно всё начиналось во время большого перерыва. Именно тогда решалось сколько и чего мы будем пить. Затариваясь дешёвой водкой на местной оптовой базе, мы шли на Плиты – культовое место тусовки среди студентов Социального университета. Неподалёку от железнодорожной станции были свалены бетонные плиты. Зачем и почему никто не знал, но именно они стали духовной обителью неприкаянного студенчества. Именно здесь Джон Аверьянов по прозвищу Борода, выиграл ожесточённое соревнование в “наебки” у безумного Макса, что в принципе сыграло не последнюю роль в моей жизни. Именно здесь началась наша с Ольгой история.

В середине сентября праздновался традиционный день первокурсника, когда собственно и раздавали заветные студенческие билеты, которые для некоторых были законной отмазкой от армии, а для кого-то действительно путёвкой в жизнь. Хотя на самом деле я сомневаюсь, что кто-то из моих однокурсников добился чего-то в этой жизни благодаря диплому данного вуза. Как говорил мне Джон Аверьянов, который раньше учился в “медухе”, что наш универ по сравнению с ней кажется ему начальной школой.

Мы собрались с ребятами за два часа до начала мероприятия в парке имени Моисея Урицкого, чтобы загодя начать готовиться к этому знаменательному событию. Из наших были Исай, Хохол, я и безумный Макс, плюс ещё несколько ребят с соседнего потока из которых я знал только парня по прозвищу Таксист. На всю толпу мы раздавили пару пузырей водки, что не особо повлияло на наше состояние и мы уже были готовы отчаливать в универ за получением “студней”. Но тут в парк подошли Каспер, Косой и Диня Капустин с тремя пузырями водки и всё завертелось по новой. К университету мы приползли уже хорошо после обеда, опоздав на торжественную часть мероприятия. С этого дня, по жизни, меня будет сопровождать данная особенность. Я всегда буду опаздывать на начало самых различных мероприятий, зачастую по самым фантастическим и не зависящим от меня причинам. К слову сказать, “студень” я получил только две недели спустя.

Когда мы пришли, празднество было уже в самом разгаре. Первокурсники большими и малыми группами разной степени нажратости бродили по территории университета. На втором этаже, в актовом зале, была устроена дискотека, откуда доносилась песенка Руки вверх: “Любишь ты Алёшку больше, чем меня...” Туда мы с парнями и намеревались завалиться, естественно в поисках особой женского пола. Однако перед этим мы совершили роковую ошибку решив всандалить ещё один пузырь. В магазин мы отправили самого трезвого парня, который не был с нами в парке – это был Женя Борюсик, отчаянно толстый пацан похожий на тюленя.

Пока Борюсик ходил за водкой мы чудом не попались в лапы к Историкку, который был ответственным за порядок на данном мероприятии. Он ходил и выпаливал пьяных, а потом записывал на листок фамилии проштрафившихся первокурсников. Нас к счастью миновала сия чаша и я так и не узнал никогда, что же было с этими несчастными бедолагами, которые попали по своей неосторожности в чёрный список Историка. Возможно потом, после праздника, он собрал их вместе и прочёл лекцию о вреде алкоголя на неокрепшие подростковые умы будущих менеджеров, финансистов и социальных работников.

Вскоре вернулся Борюсик и вместе с ним притащились ребята с менеджмента – Егоров и Серёга Квас. Лично я, что было потом, помню очень смутно и грешу на пузырь палё-

ной Русской водки, которую принесли парни с менеджмента. Затем мы пили водку из горла запивая её газировкой Колокольчик. Последнее обрывочное воспоминание того дня – это то, как Егоров запрокинул пузырь и жадно из него отхлебнул, занюхивая рукавом. Потом моё юношеское сознание не выдержало и окончательно порвало какую-либо связь с реальностью, и я провалился в небытие.

Когда допили с менеджерами водку, мы потащились на дискотеку. Со слов Хохла я был в полном ауте, но не утратил способности передвигаться самостоятельно. Я стоял в углу и совершенно ничего не отдупляя качал головой в такт музыке. Затем я куда-то пропал. Позже, Женя Борюсик рассказывал, как я уверенно скатился по лестнице под ноги к Ольге с курса Финансов. Так и состоялась наша первая встреча, о которой Оля впоследствии не раз будет со смехом вспоминать. Ольга поднималась по лестнице раздумывая о чём-то важном – типа поздней прозы Моэма. И тут к ней под ноги скатился я, пьяный в усмерть и перепачканный в пыли. Со слов Ольги я попытался схватить её за ногу и мычал что-то типа: девушка, вашей маме зять не нужен? Со слов Борюсика, Ольга пнула меня в бок и сказав: фу какая пакость, уверенно через меня перешагнула. Затем я смачно блеванул. Не знаю на чьей стороне правда, но хочется думать, что на Ольгиной. И я уже тогда, находясь в бессознательном состоянии, бредил ею и валялся у её ног. Что в последствии станет данностью и без алкогольного опьянения. Впрочем, это судьбо-

носное событие осталось исключительно в памяти двух людей – Ольги и Борюсика.

4

– Слушай, Серёг, а ты над словами Борисыча не задумывался? – спросил я у него, когда мы сидели в курилке.

– Какими словами?

– Ну, помнишь, вчера за картишками – про скоротечность жизни.

– Так, прогон это был, не больше. Ты что Градова не знаешь? Ему лишь бы чего базарить, чтобы у нас в карты выиграть. Не забивай голову дружище.

– Не знаю, а я вот что-то заморочился на этой теме. Вдруг я на самом деле проёбываю свою жизнь по всякой хуйне. Ведь в сущности мне тридцатник и чего? Ничего. Чем я по жизни занят? Все деньги спускаю на бухло и проституток.

– Загрузил тебя Борисыч по полной! Андрюх, дружище, а чего бы ты хотел? Ну, найди себе какую-нибудь бабень, заделай с ней кучу ребятишек. Набери разных там кредитов, что измениться тогда в твоей жизни? То же бессмысленное существование, только в несколько иной плоскости.

– И, как, по-твоему надо жить?

– На самом деле философия не самая хитрая. Живи, как живёшь, и не забивай голову всякой ерундой. Бухай бухло и еби баб, если это тебе действительно нравится. Вон Градов

всю жизнь со своей Веркой и чего, ты думаешь есть у него какой-то смысл? Да хуй в рот! Дети выросли и послали его далеко и надолго. А на Ваньку нашего посмотри. В армейке сифилисом заразился и теперь живёт с какой-то кривой уродиной, которая его ещё и пилит каждый день. Думаешь он счастлив?!

– Тебя послушать Серый, нет другого выхода, как в петлю лезть.

– Жизнь, Андрюха, рано или поздно заканчивается. У каждого из нас есть выбор. Прожить её, так, как нравится тебе или, как нравится другим. Чувствуешь в чём подвох?

– Так чего делать то?

– Просто не забивай себе голову. Я, кстати, сегодня офицерную “дурь” буду мутить, ты, как со мной? Эта херня на чисто лишает чувства реальности.

– Ты знаешь, тут я тебе не попутчик. Я по алкашке убиваюсь.

– Синька, чмо!

– Иди ты!

– Кстати, об имтине, как тебе новенькая из бухгалтерии, Тамарка?

– Не в моём вкусе, кажется, что она немного стервозная.

– А мне такие наоборот нравятся.

– Вот и возьми её в оборот.

С напущено грозным видом в курилку вошёл Градов. Он никогда не умел по-настоящему злиться, но, чтобы заставить

нас работать он делал вид, что большой и злобный бригадир. Только это у него получалось не важно.

– Ну-ка за работу бездельники. Расселись тут, штаны протираете, дармоеды – кто за вас работать будет, Пушкин? Или может быть я? Старый, больной человек – положивший своё здоровье на строительстве Байкало-Амурской магистрали? Марш работать, там фура подошла. Водила по складу бегаёт кипятком писает!

Серёга одним глотком допил колу и запустил банку точным броском в мусорную корзину.

– Видишь Борисыч, во мне погиб великий баскетболист, а ты заставляешь меня коробки с хавкой тягать!

– Кто на что учился Карпов, слишком много философствуешь!

Я докурил, и мы пошли на склад, где нас ожидали килограммы сырья, которое вскоре будет раскуплено и употреблено по назначению. Тем самым становясь очередным звеном в цепочке бесконечного потребления. Что так же являлось видом бессмысленного существования.

5

В магазине, как всегда была нескончаемая сутолока. От прилавков исходила тошнотворная вонь стухшей еды, сброшенной на дисконт одуревшим старикам.

– Ты всегда в этой бомжовочке отовариваешься? – спро-

сил Серёга.

– Да.

– Мне становится страшно за твоё здоровье.

– Я беру здесь в основном алкоголь.

– Чего-то я стараюсь пить синьку из этого мага. Может, пока не поздно я за “травкой” смотаюсь?

– Серый, я же сказал тебе, что никакой наркоты, только алкоголь.

– Это дискриминация.

– Я за естественное опьянение. Тусим у меня, значит мои правила. Может водяры ещё возьмём, а то с пива только ссать бегать?

– Смерти моей хочешь? У меня организм и так плохо переносить алкашку, а после водки меня в момент унесёт.

Тут Серёга был прав, каждый выбирает ништяки по себе. Как пелось в одной песенке: “Кому граната, кому шиш, кому бутылочка портвейна, кому рязанский гашиш...” Один мой знакомый, который зарезал двух человек кухонным ножом, за год до этого говорил мне: – Андрюха, нахера ты пьёшь? От синьки всё зло! Я вот когда выпью зверею просто, а когда покурю “травку”, легко так становится и резать никого не хочется... В тот день всех барыг на районе накрыли – “травы” вообще не было, а в местный супермаркет поступила в продажу дешёвая водка. Человек покоя душе искал, а вышло наоборот.

Щёлкнув, открылись двери лифта из которого вышла Кристина.

– Привет, Бэтмен! – улыбнулась, она.

– Привет, парни-козлы больше не достают?

– Неа, они теперь в курсе, что у меня есть личный телохранитель, с которым лучше не связываться.

– Вот как, значит телохранитель?!

– Ага.

Повисла пауза, нарушаемая лишь позвякиванием бутылок в Серёгином пакете, который смотрел на нас с явным недопониманием.

– Ну, пока Бэтмен, мне пора к репетитору по алгебре.

– Пока, если что, ты, знаешь где меня найти.

– Ага, фонарь на крыше.

– Точно!

Только когда Кристина вышла из подъезда я понял, что до сих пор стою перед открытым лифтом, в который уже вошёл Серёга.

– Это что было? – спросил Серый, когда кабинка натужно зажужжав поползла вверх.

– К ней один отморозок докапывался – я помог.

– Сколько ей лет?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Шестнадцать, наверное, или пятнадцать.

– Да ты не Бэтмен, а Гумберт Гумберт!

– Для Гумберта Кристина старовата, он любил девочек от

девяти до четырнадцати, которые ещё сохранили нежность детства. А Кристина уже вон какая кобыла, ей все восемнадцать можно дать.

– Это тебе восемнадцать могут дать по закону УК РФ. Смотри, осторожней с этими малолетками. Они сами жопой покрутят, ты её оприходуешь, а она потом “заяву” на тебя накатает и поедешь ты Бэтмен на “зону”, где в твоей заднице умелые товарищи продолбят огромную дыру.

– Я и не собирался ничего такого.

– Видел бы ты себя, когда она вышла из лифта – весь засиял, как рождественская ёлка.

– Тебе показалось, – попытался возразить я.

– Я серьёзно, Андрюх, с этими малолетками херовые шутки. Лучше не лезь.

– Всё, тема закрыта. Я же тебе сказал, что просто помог девчонке, не более.

– Ладно, как скажешь, дружище.

День за окном быстро таял, разваливаясь на куски и обозначая тёмные полосы улиц жёлтыми шапками фонарей. На полу громоздилась батарея пустых бутылок, которые мы периодически сбивали ногами. Бутылки глухо катились по паркету пока, звякнув, не останавливались около стены. И тогда, Серый, непременно восклицал: – Бинго!

Наполненные непонятными символами и туманной образностью песни Аквариума уводили нас, уже слегка захмелев-

ших, в состояние полного отрыва от реальности. “Равноденствие” – это последняя серьёзная работа Гребенщикова, в составе классического Аквариума: с Севой, Дюшей, Титом и Ляпиным. Затем будет эпопея с попыткой продвинуть русского Бориса на Западе, которая не увенчается успехом и потерявшийся среди руин ленинградского филиала “Мелодии” альбом “Феодализм”. Ещё будет “Русский альбом”, но это уже другой Аквариум и совершенно другой БГ.

– Я тут к Тamarке, из бухгалтерии, подвалил, – сказал заплетающимся языком Серёга.

– Ну, и?

– Ничего, ты был прав, слишком она стервозная и высокомерная. Отшила меня.

– Я говорил тебе дружище, у меня на таких гарпий глаз намётан.

– Она, кстати, про тебя спрашивала.

– Про меня?

– Ну, как тебя зовут и, что ты за парень, в общем интересовалась тобой.

– Не беспокойся чувак, я не буду подкатывать к ней яйца. Я тебе говорил, что она не в моём вкусе. От неё за километр фригидностью несёт, она у неё на лбу большими буквами выбита. Такие стервы мужиков не любят, они на это просто не способны.

– Это да, стерва она конечно, но, сука, красивая. Причём красота у неё не кричащая, а нордическая, такая, спокой-

ная. Черты лица ровно выверенные, плавные. Глаза – чистый лёд! Заглядываешь в них и начинаешь чувствовать, как стужа пробирает. Она похожа на Снежную Королеву.

– А ты, значит, Кай – выкладывающий из льдинок слово “Вечность”!?

– Слушай, Андрюх, скажи вот мне, чего в тебе бабы находят? Ведутся на тебя, как крысы на дудочку.

– Харизма, дружище.

– Да так себе у тебя харизма, в меру пропитая!

– Ладно, не кипишуй! Есть у меня одна задумка, как разогнать твою тоску по куску женского мяса. У Кеши есть тёлочка – просто огонь! Я в последнее время только её и пользую.

– Кеша – это твой одноклассник сутенёр?

– Ага.

– Так ты чего проститутку хочешь мне снять?

– Серый, алкашка на тебя и в самом деле хреново действует – ты как-то туговат становишься.

– А деньги? Я не очень кредитоспособен – до аванса ещё жить и жить.

– Не ссы в компот, есть у меня один вариант. Попробуем без денег.

– Это как?

– Это очень просто. Я уже говорил тебе – харизма!

Я набрал рабочий номер массажного салона. Ответила мне, проникновенно низким голосом, администратор Виктория.

– Здравствуйте, массажный салон “Райское наслаждение”.

– Вик, это я Низов, там Вадим Александрович далеко?

– Нет, он у себя, играет в GTA.

– Ну, как обычно. Викусь, позови его пожалуйста, скажи, что очень срочно.

Через какое-то время в трубке послышался писклявый голос Кеши.

– Дрон, чертила, как делишки?

– Лучше всех, братка! Слушай, Кеш, такое дело – можно Янку в долг?

– Чего, так труба дымит?

– Ага.

– Сейчас я с ней побазарю, если она не против отработать в долг... Ян, солнышко, тут Дрон звонит, говорит, что труба дымит и хочет только тебя, но с баблом напряг, ты в долг как? Дрон, ну, она говорит, что согласна.

– Спасибо, Кеш, как только с деньгами всё будет ништяк, сразу отдам.

– Какой базар, братка.

– Ну, всё тогда, чао!

– Ага, бывай, друже!

Кто бы мог подумать, что Вадик Семёнов, щуплый мальчик с большими тёмными глазами, похожий на попугая Кешу из мультфильма, станет сутенёром. Наверное, все, кто его знал. Потому что с самого детства мозг у Вадика работал только на то, чтобы поймать чего-нибудь сладкого и же-

лательно на халяву. Салон Кеша держал на пару с ещё одним моим другом, Саней Аксёновым, который в основном решал конфликтные вопросы, за счёт своих незаурядных физических данных. В общем, выступал в роли “крыши” Кешиногo предприятия по оказанию интим услуг.

– Ну, чего там? – спросил Серый.

– Всё, ништяк! Янка скоро подъедет.

– Она в долг согласилась?!

– Ага, у тебя лаве осталось? Пойду за водкой схожу, а то не гоже даму пивом потчевать.

– Слушай и чего она на двоих согласилась?

– Серёг чего ты, как маленький? Никуда не денется – влюбиться и жениться!

Как назло, в магазине в котором мы затаривались закончилась водка. Такое я видел впервые, как корова языком слизала. На меня начали накатывать недобрые, апокалипсические мысли: может война скоро и люди решили запастись дешёвым пойлом? А если водки теперь по всему району нет? А по всему городу?.. Пришлось пройти пару остановок до другого магазина, в котором к счастью водки оказалось с избытком. Когда я уже подходил к дому, довольный тем, что мои тревожные мысли по поводу алкоголя, оказалась напрасными, из такси вылезла Яна. Узкие джинсы вызывающе обтягивали её упругую задницу.

– Привет, ты быстро, – говорю я.

– Повезло, пробок вообще не было.

– Отпадно выглядишь!

– Спасибо! Я смотрю, ты, уже “нарядный”.

– Так, слегонца. Пойдём, а то Серёга нас уже, наверное, заждался.

Лицо Яны немного передёрнуло, и улыбка начала медленно таять.

– Серёга? Я думала, что ты один.

– Слушай, извини, наверное, надо было тебе сказать. Я тут с корешем. У него проблема с девушкой. Представляешь, признался ей в светлых чувствах, а она его бортанула – фригидная тварь!

– Надо было, наверное, сказать об этом – я бы не поехала тогда.

– Ян, ну солнышко, ты чего злишься? Если дело в количестве, то приоритет у Серёги – ему нужней, а я могу и перетерпеть.

– А у меня в приоритете ты. Я бы ни к какому другому мужику не поехала в долг, понимаешь?

– Понимаю, конечно и ценю это. Спасибо тебе. Я бы никогда, так, ради прикола, типа, ради похоти. Просто надо друга реально выручить, а то он хмурый весь ходит.

– Ладно, если только в благих целях, то я согласна, пошли. Но при одном условии.

– Каком?

– С тебя свидание и не просто очередная поёбка под Дель-

фина, а настоящее, такое, чтобы под ручку по парку, с ужином в ресторане.

– Замётано, не знал, что ты такая романтическая натура.

– А ты думал, что я встречаюсь с мужиками только в финских парилках?

– Нет, конечно, не думал. Я вот тут водки, как раз купил, еле нашёл – дефицит, пол района пробежал пока достал. Ты любишь водку, так как люблю её я?

– Не думаю, что именно так, как ты! Пойдём, чего на улице торчим?

Через детскую площадку шла Кристина, неся в руках несколько учебников.

– Ян, ты иди, я сейчас перекурю и поднимусь.

– Мне помниться у тебя в квартире дым столбом стоит, хоть топор вешай.

– На свежем воздухе зачётней.

– Ну, тогда я с тобой перекурю.

– Нет, ты иди, а то Серый там уже весь извёлся, наверное.

– Ты какой-то странный сегодня. Давай не долго, красавчик!

Когда дверь за Яной захлопнулась ко мне подошла Кристина.

– Ну, и, как твоя алгебра? – поинтересовался я у неё.

– Никак, репетитор, какой-то нервный, всё быстрее-быстрее, говорит дешёвой водки на районе почти не осталось, ты я смотрю успел урвать!

– Я шустрый парень.

– А это кто была рыжая, твоя девушка?

– Ну, типа того.

– А почему она похожа на проститутку? Ты встречаешься с блядью?

– Я бы не был столь категоричен в отношении неё. Конечно у Яны не самые устойчивые моральные принципы, но всё же она хорошая. В ней тоже есть свои плюсы.

– Жопа, у неё зачётная!

– Вот, и я про тоже!

В лифте мы ехали молча. Невыносимо долго тянулись один за другим этажи. Наконец, двери открылись, и я вышел.

– До встречи, – говорю я.

– Приятного тебе вечера и не забывай пользоваться резинкой, а то мало ли где побывала твоя подружка! – с саркастическим выражением лица, сказала Кристина.

– Ага, обязательно!

Музыка была включена на полную мощность: “Мы встретимся с тобою у первого подъезда, паролем будет просто – Как дела?”. Мелодичные напевы Ромы Зверя заполнили собой каждый сантиметр квартиры. Яна, медленно покачивая бедрами, в ритм музыке, стянула футболку, затем красный бюстгальтер и кинула его на Серого, который заворожённо раскрыв рот смотрел на Яну, начисто позабыв о пиве. Ну, прямо “Девять с половиной недель”! – подумал я, смотря на

всё это действие прижавшись спиной к стене. А дальше, всё завертелось, заплясало, зашевелилось. В какой-то момент музыка становилась тише, затем снова громче, но всё равно группа Звери, так и не смогла перепеть наше скромное трио...

Серёга, мертвецки пьяный, развалился посреди комнаты в одних носках и нахрапывал, словно Шерхан в битве с Маугли. Мы с Янкой сидели на кухне, допивали водку, болтали, курили, чуть приглушённо в старом кассетнике пела Настя Полева: “ Лишь рассветёт и белые кости, под сахарным снегом, как тонкие трости. Вырастут в поле под музыку вьюги, их не разыщут ни волки, ни люди”. Только на три вещи можно смотреть бесконечно: как горит огонь, льётся вода и на женскую грудь. Янкина грудь идеально симметрична, настолько, насколько это вообще возможно.

– Быстро твой друг вырубился.

– Серёга, слабый на алкашку.

– Не повезло, бедняге.

– Слушай Ян, ты никогда не думала завязать с этой работой. Пока совсем не увязла в болоте и не превратилась в обмылок. Вернуться домой, начать новую жизнь.

– Кому я нужна дома? Мать умерла, отца никогда не было. Одна сестра старшая осталась, которой не до моего перевоспитания. Она в одиночку двух ребятишек поднимает. Да и дом у меня в той жопе мира, где заканчивается география. Даже если захочешь уехать, то хрен уедешь.

– Хорошо, пусть не дома, остаться здесь, но попробовать, начать всё с чистого листа.

– Начать всё с чистого листа – это иллюзия, так не бывает. Только умерев можно родиться заново и то не все религии обещают данную возможность. Чтобы завязать нужен какой-то другой план на жизнь, а у меня с планированием туго – живу сегодняшним днём. Или, скажем, нужна какая-то цель или большая любовь, да много чего такого, я, если честно, и сама не знаю.

Когда подъехало такси Настю Полеву в кассетнике уже сменил СашБаш: “Сядем рядом. Сядем ближе, Да прижмёмся белыми заплатами к дырявому мешку...”. Я ещё раз ощутил вкус сочных Янкиных губ, прежде, чем она ушла. Сидя в прокуренной кухне и вталкивая в себя тёплую водку я всё думал, а какая цель у меня по жизни и смогу ли я когда-нибудь что-то изменить в ней. Что должно произойти со мной, чтобы я начал всё с чистого листа. Но найти ответы на свои вопросы я так и не смог. Туман в голове мешал это сделать. Мысли то выплывали из него, то снова исчезали в молочной пелене, так и не давая за них ухватиться. Алкоголь зарождал во мне обманчивую уверенность, что истина где-то рядом, ещё чуть-чуть и я смогу за неё ухватиться. Но этого так и не произошло. Не допив вязкую водку, я уснул за столом.

Серёга на работу не вышел – взял “больняк”. Оно и понятно – нетренированный организм дал сбой. Фуры подъезжали одна за другой, даже на перекур не было времени – только успевай подставлять плечо. Вместо Серёги из другой смены прислали молодого паренька, который только устроился и после двух коробок с тушёнкой ходил, пошатываясь из стороны в сторону. Борисыч, как всегда делал вид грозного начальника, периодически покрикивая и раздавая быстроходные поджопки. Выматывающее похмелье, бьющее фонтаном из каждой поры моего организма, не делало день легче. На долгожданный обеденный перерыв я уползал еле живой.

– Андрей, ты пойдёшь в магазин? – слышался за спиной женский голос.

Я повернулся и увидел Тамару. Она выглядела, как истинная арийка, группен фюрер СС. Светлые волосы, голубые глаза-льдинки, от которых действительно пробирала дрожь.

– Ну, да, – зачем-то соврал я, хотя на самом деле не собирался ни в какой магазин.

– Купи мне пожалуйста вишнёвую выпечку и сигарет, “Кент” тройку.

– Хорошо, – нерешительно кивнул я.

– У тебя деньги есть?

– Ага.

– Зайдёшь тогда ко мне, я отдам.

Я купил выпечку и еле хромал обратно. Как назло, разбо-

лелась нога, которую мне форвард команды “Орлёнок” сломал прямым подкатом сзади в финале первенства района, который моя команда “Вымпел” торжественно проиграла со счётом 0-4. Давно это было, как вспомнишь, так целую вечность назад, где всё было большим и вечным, а сам я был маленьким и бессмертным. Нога тогда зажила нормально, но временами сбоила и давала о себе знать неприятной ноющей болью чуть выше голеностопа.

Поднявшись на второй этаж, в контору, я нажал ручку двери, на которой было написано “Бухгалтерия”. Тамара сидела за своим столом и что-то усердно вбивала в компьютер.

– Горишь трудовым пламенем?

– Совершенно ничего не успеваю. Спасибо, что сходил за выпечкой.

– К твоим услугам.

– Сколько денег?

– Сто пятьдесят.

– На, возьми, – порывшись в сумке Тамара протянула мне деньги. – Может ты хочешь чего-то ещё?

– В смысле? – непонимающе пожал я плечами.

– Андрей, мы сейчас разговариваем, как два старых еврея!

Тамара подошла и поцеловала меня. Сладкий привкус её помады вязко осел на моих губах. Уверенными движениями, женщины, чётко знающей чего она хочет, Тамара стянула с меня рабочую робу.

– Сколько у тебя перерыв? – задыхаясь от страсти, спро-

сила она.

– Ещё минут двадцать, – оставаясь в полу позиции и не решаясь чего делать, ответил я.

– Отлично!

– Ты разве одна в кабинете? – офигевший от столь неожиданного поворота событий, я попытался затормозить этот несущийся на всех парах локомотив.

– Маринка заболела, а Ирина Витальевна уехала по делам.

Тамара стянула юбку вместе с колготками. Она навалилась на меня упругой грудью, затянутой в чёрный бюстгалтер и всё, земля уплыла из-под моих ног...

– Слушай, ты нимфоманка, что ли? – спросил я, натягивая штаны и подводя своё разбитое тело к единому знаменателю.

– Я увидела тебя на складе, ты мне понравился, а я не тот человек, который отказывается от того, что хочет. Это моя позиция по жизни. Брать то, что мне нужно.

– А Серёга, значит тебе был не нужен?

– Серёга? А, это твой друбан, который пытался ко мне подкатывать! Не в этом дело, я выбираю мужчин, а не они меня, вот и всё.

– Жёсткая позиция, а как же женственность: заламывание рук, взгляд в пол?

– Эта хуйня для целок и дешёвок, которым не хватило в детстве внимания мальчиков.

– А у тебя с этим полный порядок? – я закурил, усевшись

в её кресло.

– Андрей, здесь не курят, – строго сказала Тамара, поправляя скомканную одежду.

– Похуй, – ответил я, выпуская дым в потолок.

– Нет, я серьёзно!

– Я тоже!

– Перестань, не будь ребёнком.

– А может я и есть ребёнок, просто заключённый в тело взрослого мужчины. Помнишь фильм такой был с Томом Хэнксом, забыл, как называется...

Тамара зарядила мне кулаком по лицу. От неожиданности у меня из глаз посыпались искры, смешиваясь с искрами выпавшей изо рта сигареты. Удар не был сильным, но ощутимым и потеряв равновесие я плюхнулся на пол.

– Ты там живой? – со смехом спросила она.

– Бля, женщина, ты охуела что ли? – держась за левый глаз прохрипел я.

– Прости, я не удержалась.

– Слушай ты всегда в ход кулаки пускаешь, когда тебя не слушаются? Или может быть тебя привлекает такая херня типа БДСМ и всё такое?

– Извини меня, больно?

– Нет, блин, приятно!

– Ну, что ты захныкал, как маленький!

– Ты забыла я же тебе сказал, что я на самом деле подросток и веду себя соответствующим образом.

– Прости, малыш!

– У тебя неплохой удар, где так натаскалась?

– В юности волейболом занималась.

– А чего в бухгалтеры подалась?

– Травма, потом ещё одна и всё – прощай спорт высших достижений, здравствуйте курсы бухгалтеров!

Перерыв закончился, и я ещё более опустошённый плёлся на склад, а впереди маячил остаток рабочего дня, который не обещал быть лёгким. Повезло конечно Серёге, что по нему не проехался этот каток, я так сказать по-братски принял удар на себя, прям как Санька Матросов – лёг на амбразуру, затыкая своим телом вражеские пулемёты.

7

На лавочке около подъезда сидела Кристина, она нервно подносила ко рту сигарету и выпускала обильную дымовую завесу в сырой весенний воздух. Плечи её слегка потряхивало, а глаза затянула влажная пелена и мне показалось, что она вот-вот зайдётся в истерике. Я сел рядом с ней на лавочку и тоже закурив слегка подтолкнул её локтем в бок.

– Ты чего, опять парни-козлы достают?

– Если бы.

– А чего тогда, может я смогу помочь чем?

В ответ она слегка мотнула головой.

– Вряд ли, я с папаней поцапалась, опять.

– Ну да, тут я тебе не помощник. Расскажи.

– Да, ничего особенно нового, всё, как всегда. То ему до меня нет никакого дела – днями и ночами на работе пропадает, то потом в нём просыпается отцовская любовь и он с остервенением принимается за моё воспитание. В общем банальность, простые проблемы отцов и детей.

– А мама чего?

– А мама ничего – умерла она, два года назад. Когда ехала домой с работы тромб отрывался и закупорил артерию. И всё...

– Извини.

– У тебя есть чего выпить?

– Дома должно пиво быть.

– Охота нажраться!

– Поверь это не самая лучшая затея. Бухло не решит твои проблемы с отцом. Когда пьёшь от горя, что-то пытаешься залить, становиться только хуже, боль удваивается. Бухать надо, когда у тебя всё нормально, тогда и алкашка в кайф пойдёт!

– Ладно, Буковски, хорош алкофилософию разводить, дождь становится сильнеей.

– Может, лучше, пойдёшь к отцу и помиришься?

– Нет, мне надо немного остыть.

– Тогда, пойдём.

Апрельский воздух насыщал кровь невидимыми частицами безумия и чего-то ещё еле ощутимого, и тёплого, чего нельзя описать словами, а можно только почувствовать. Ме-

ня влекло к этой девочке, и, я не мог с собой ничего поделать. Кристина выкинула сигарету и подсунув мне в ладонь свою, зашагала вслед за мной в подъезд.

– Ой, а откуда у тебя фингал такой? – спросила она, когда мы вошли в квартиру.

– Как тебе сказать, понимаешь, с товарищем на работе помахался немного. Он болеет за “ЦСКА” а я за “Торпедо”, вот и схлестнулись.

– И, что это так непримиримо?

– Ещё как, ты даже представить себе не можешь.

– Я не очень люблю футбол.

Кристина села на диван поджав под себя ноги. Я открыл две бутылки и сел рядом с ней. Испытывая какое-то непонятное для себя чувство – одновременно тревоги и радости.

– А подружка твоя не придёт? А то, знаешь, получится, как в плохом анекдоте, а мне сигать в окно, как-то совсем не хочется или притворяться молью в шкафу.

– Какая подружка?

– А у тебя что их много? Ну, та, рыжая.

– Расслабься, она мне не подружка. Яна проститутка.

– И часто ты заказываешь проституток?

– По-разному, смотря как с деньгами.

– А тебе не противно, ну там, болячки всякие, не знаю.

– Нет, я не заморачиваю этим голову. Тем более у меня

Одноклассник сутенёр, он мне гнилое мясо не подкинет.

– Ты так в нём уверен?

– Я ему в своё время жизнь спас.

– Расскажи.

– Ну, шёл я как-то домой, под утро уже.

– От девушки?

– Да, она жила на окраине, и я каждый раз наматывал километры возвращаясь от неё по ночному городу. Так вот, возвращаюсь и вижу возню около моего подъезда, трое одного гасят, хорошо уже разошлись, ногами топчут и останавливаться не собираются. Я пригляделся, а это Кеша, одноклассник мой. Ну я недолго думая снял ремень, а я носил тогда армейский ремень с такой широкой бляхой, на кулак намотал его и ломанулся в толпу. Пока эти парни переключились на меня Кеша очухался и дал дёру, а я остался отбиваться от троих.

– И ты победил их?

– Я же не Стивен Сигал. Месяц потом в больничке валялся. Отбили всё на свете.

– То есть, ты, всегда бросаешься грудью на амбразуру, когда видишь несправедливость?

– Ага, как доблестный рыцарь Айвенго!

– Это кто?

– Не важно, не забивай себе голову, просто не надо идеализировать меня.

– Но ты заступился за меня, тогда, в подъезде, хотя мог

спокойно пройти мимо.

– Не уверен, что будь я чуть трезвее сделал бы это.

– Я уверена, что сделал бы. Ты просто из тех парней, которые хотят казаться хуже, чем они есть на самом деле.

Смотря на Кристину, я мысленно сравнивал её с Тамарой и думал о том какой же эволюционный путь проходит женщина по жизни: от юношеской непосредственности, до хищной самки, которая перемалывает тебя вместе с костями. Неужели через какое-то время Кристина станет такой же, как Тамара?

– А кем ты работаешь? – спросила Кристина.

– Грузчиком.

– Грузчиком?!

– Что, не так романтично?

– Ну не знаю, просто, это какая-то зашкварочная работа.

– Это плохо по-твоему, что я не стремлюсь быть менеджером или финансистом, продавцом иномарок? Мне это всё не интересно.

– А машины с жрачкой разгружать интересно?

– По крайней мере не напрягает, позволяет спокойно плыть по течению ни о чём не думая. Жить в своё удовольствие.

– Но ты же не всегда хотел быть грузчиком?

– Я закончил полтора курса Социального Университета.

– Что случилось потом?

– Потом, я полюбил одну девушку и... Я бы не хотел сей-

час рассказывать.

– Почему?

– Это грустная история. Давай, как-нибудь в следующий раз.

– Ты хотел бы что-нибудь изменить в своей жизни?

– Нет, наверное, не хотел бы. Знаешь в нашей жизни всё случается ровно так, как оно и должно быть и абсолютно не важно справедливо это или нет, хорошо или плохо. Просто это заложено где-то там наверху и бессмысленно думать, что человек способен что-то изменить.

– И, ты не хотел бы вернуть ту девушку, которую любил?

– Тем более её. Некоторые фантомы памяти лучше никогда не тревожить, а если потревожил, то поглубже вбивать в могилу осиновый кол. Каждый раз я думаю, что вогнал его в землю достаточно глубоко, но каждый раз этого вновь оказывается недостаточно.

Давно я уже не думал об Ольге и не испытывал тех неприятных чувств горечи и боли, которые остались в прошлом, но иногда эти воспоминания, как гоп-стопщик, выпрыгивают из-за угла и бьют по голове кастетом.

– Ты бы хотел научиться трансгрессии? – спрашивает Кристина, уже слегка заплетающимся языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.